

ТРАНСФОРМАЦИЯ НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XX–XXI ВВ.

ИНЕССА И. МОРОЗОВА

Национальная академия наук Беларуси
Институт философии
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Республика Беларусь
e-mail: inesmorozova@bk.ru
(получено 21.07.2015, принято 4.11.2015)

Abstract

Transformation of the moral consciousness in the literature of the transition period

The article presents an analysis of the transformation of moral consciousness in Russian and Belorussian literature at the turn of the 21st century. In particular, the problems of dehumanization of moral values, destructive sexualities, immoral behavior and destructive tendencies opposed to the traditional ethical principles are examined.

Key words

Public consciousness, artistic consciousness, individual consciousness, moral consciousness, artistic literature, transition period, personality, sexual behavior, non-standard vocabulary, moral values.

Резюме

В статье представлен анализ трансформации нравственного сознания в белорусской и русской литературе рубежа XX–XXI веков, в частности, рассматривается проблема дегуманизации моральных ценностей, деструктивной сексуальности и аморального поведения, разрушительных тенденций, противопоставленных традиционным этическим принципам.

Ключевые слова

Общественное сознание, нравственное сознание, личность, сексуальное поведение, ненормативная лексика, нравственные ценности.

Литературный процесс рубежа XX–XXI веков представляет собой сложное и неоднородное явление, отражает серьезное переосмысление эстетических, этических и других ценностей и норм, отличается дискуссионностью, расширением тематических горизонтов, являясь логическим продолжением широкого спектра изменений, происходивших в обществе в середине 80-х годов XX века. Отмена цензуры, открытие архивных материалов, недоступных ранее, оказали существенное влияние на формирование художественного сознания. Хлынул поток возвращенной литературы (как белорусской, так и русской), увидели свет произведения иностранной литературы, не издававшиеся в советский период. Эти процессы идут параллельно в Беларуси и России; как отмечает Галина Львовна Нефагина,

достаточно было того, что возвращаемая литература была знаком интеллектуального сопротивления, заполняла вакуум исторической памяти, заставляла пересмотреть нравственные и мировоззренческие основы нашей жизни. Введение этих книг в культурный обиход расширяло границы свободы слова¹.

Социальная функция литературы связана со степенью проникновения автора как субъекта, как носителя общественного и индивидуального сознаний в общие закономерности эпохи, своего времени, с возможностью моделирования идеалов и ценностей, имеющих практическое значение для человека, если принять во внимание аксиологическую и суггестивную функции литературы. Автор как носитель двух видов сознания проделывает огромную работу, переосмысливая и отражая в произведениях социокультурный материал. Принимая во внимание тот неоспоримый факт, что «личное сознание представляет собой... аккумулированный опыт истории. Общественное сознание не существует вне личного»², важно рассмотреть реализацию изменения нравственного сознания в художественной литературе, роль которой в формировании мироощущения и самосознания человека велика во всем мире, проанализировать девальвацию духовных ценностей, отражение негативных доминант сознания асоциальных индивидов, деструктивных проявлений, наличие десакрализации ценностей.

Указанный период, характеризующийся сменой социокультурных парадигм, стремительно ворвавшийся во все сферы жизни, обнажил самую табуированную, предоставив на всеобщее усмотрение сексуальную свободу и разболтанность человека, стремление выйти за пределы нравственности, морали. Безусловно, не стоит проявлять ханжества и пуританства в осмыслении этой

¹ Г.Л. Нефагина. *Русская проза второй половины 80-х — начала 90-х годов XX века*. Минск: Экономпресс, 1998, с.10.

² А.Г. Спиркин. *Сознание и самосознание*. Москва: Политиздат, 1972, с.128.

довольно-таки серьезной и важной проблемы. Николай Александрович Бердяев, представивший уникальные экзистенциальные постижения в области метафизики пола, эроса и любви, вообще считал вопрос о половом сознании и поведении одним из центральных в жизни человека, имеющим всемирное значение:

С полом и любовью связана тайна разрыва в мире и тайна всякого соединения; с полом и любовью связана также тайна индивидуальности и бессмертия. Это мучительнейший вопрос для каждого существа, для всех людей он также безмерно важен, как и вопрос о поддержании жизни и смерти³.

Однако, в художественном и обыденном сознаниях сексуальная раскрепощенность, парадоксальным образом, воспринимается (а то и навязывается) как признак истинной внутренней свободы человека, постулируется принцип сексуальной вседозволенности и приемлемости различных сексуальных извращений. В общественном сознании прочно укореняется мысль о том, что быть сексуально свободным, лояльным, сексуально озабоченным — это модно, современно, стильно, по-западному. Наблюдается гипертрофированный интерес к телесности, человеческому телу, наготы, плоть доминирует над душой, о которой мало кто заботится из тех, кто сексуально одержим.

В литературе знаковой, культовой фигурой объявляется Адам Глобус, в творчестве которого широко представлен комплекс указанных тенденций, сыгравший, по мнению некоторых критиков, революционную роль в развитии белорусского искусства, если иметь в виду отражение в его текстах (*Дамавікамерон, Толькі не гавары маеі маме*)⁴ неприкрытой аморальности и непристойности, явной порнографической направленности, что вызывает у исследователей справедливое и вполне объяснимое чувство брезгливости и морального осуждения:

Найноўшая беларуская літаратура ствараецца ўжо не столькі дзеля чалавека, колькі супраць яго, акумулюючы сярод значнай часткі творчай інтэлігенцыі дэгуманістычныя ідэі і мізантрапічны настрой⁵.

По мнению Адама Глобуса, «есць некалькі рэчаў, да якіх не знікае цікаўнасць на працягу жыцця. Адна з іх — палавыя адзнакі»⁶. Исходя из того, что «эротыка і эратычнае — тое, што маруднае і легкаважнае, а парнаграфія — наадварот — дынамічная, агрэсіўная і яркая»⁷, автор в книге *Літары*, состоящей из рассказов явно порнографического характера, продолжает реализацию мозаичности сексуальных фантазмагорий, созданных в границах аморализма. Функциональность такого текста ясна и однонаправленна. При этом, следует отметить, Адам Глобус является талантливым писателем, чье творчество многопланово отража-

³ *Русский эрос, или философия любви в России. Сборник.* Составитель и автор вступительной статьи В.П. Шестаков. Комментарий А.Н. Богословского. Москва: Прогресс, 1991, с. 232.

⁴ А. Глобус. *Тэксты*. Москва: АСТ, 2000.

⁵ З.У. Драздова. *Праблема чалавечага характару ў эксперыментальна-пошукавых формах сучаснай французскай і беларускай прозы.* [В:] *Беларуская і руская літаратуры. Тыталогія ўзаема сувязей і нацыянальнай ідэнтыфікацыі.* Мінск: Права і эканоміка, 2012, с.175.

⁶ А. Глобус. *Тэксты...*, с. 1030.

⁷ Там же, с. 1031.

ет и общечеловеческие ценности, и экзистенциальное мироощущение (поэзия, роман *Дом*), однако это не мешает ему смотреть на мир как на калейдоскоп чередующихся картинок различных вариантов сексуальных совокуплений, но подобный взгляд совсем не нов в литературе и не блещет оригинальностью. Такая навязчивая и монотонная демонстрация в текстах плоского и примитивного гедонизма (заметим, что гедонизм гедонизму рознь), направленного на реализацию чувственного наслаждения как самоцели и индивидуального самоутверждения, скорее продиктована коммерческими интересами, нежели авторским стремлением выразить художественными средствами нечто новое в литературе.

Безусловно, в реализации таких тенденций свою роль сыграла и иностранная литература определенного направления, которая стала доступна для широкого круга читателей. Современные исследователи, обратившись к компаративистскому рассмотрению французской и белорусской литератур, вынуждены констатировать в них усиливающиеся тенденции к отказу от гуманистических принципов и постулирования «аморальной морали»:

Сённяшнія французскія пісьменнікі, як, дарэчы, і беларускія, шмат у чым згубілі маральна-этычную функцыю пісьменнікаў-класікаў... Размыванню чалавечага характару моцна шкодзіць захопленасць падсвядомым, апісаннімі фізіялагічных страцей у чалавеку, ігнараванне кіруючай ролі ў ім духоўнага пачатку⁸.

Известный французский писатель Фредерик Бегбедер, автор нашумевших романов *Любовь живет три года, 99 франков, Романтический эгоист* и других, декларируя свою нравственно-эстетическую позицию, утверждает:

Мои книги наполнены тотальным нигилизмом, абсолютным отчаянием... и вместе с тем неудержимым гедонизмом... разве многие не нашли для себя решение в наркотиках, сексе, ночных клубах?... Разве не стали ночные клубы храмами моего поколения? Те же обряды, та же униформа, те же церемонии... Танцплощадка — святая святых, house music — вместо песнопений, а водка с тоником несет «благую весть» и заменяет церковное вино⁹.

По мнению писателя, секс и любовь — это разные вещи, человек всегда искал сугубо сексуального удовлетворения, поэтому не стоит видеть в сексуальных отношениях мужчины и женщины «нечто сатанинское, слишком серьезное... Это просто действия, как любые другие, цель которых — получить наслаждение»¹⁰.

В романе Фредерика Бегбедера *Идеал*¹¹, пользующимся большой популярностью, наблюдаются указанные тенденции, отражающие парадоксальный моральный аморализм главного героя романа, умного и критичного, но достаточно циничного человека, представляющего интересы крупного косметического бизнеса. Герой приезжает в Россию за поисками нового «рекламного лица» для

⁸ З.У. Драздова. *Праблема чалавечага характару...*, с. 147–148.

⁹ Ж.-М. Ди Фалько, Ф. Бегбедер. *Я верую — я тоже нет. Диалог между епископом и нечестивцем при посредничестве Рене Гиттона. Фрагменты книги.* «Иностранная литература» 2006, №9, с. 201–202.

¹⁰ Там же, с. 233.

¹¹ Ф. Бегбедер. *Идеаль*. Москва: Иностранная литература, 2008.

компании, окунаясь в привычный мир гламура и моды, кокаиновых вечеринок и утонченного разврата. Находясь в однообразной атмосфере сексуальной доступности и вседозволенности он неожиданно влюбляется, однако возлюбленная не оправдывает его ожиданий, эти отношения балансируют на грани, отражая борьбу двух антиномий — стихий эроса и танатоса.

Вторжение эроса в общем-то абсурдную стихию человека обостряет сферу чувственности до предела, толкая его на необъяснимые и трагические поступки, подчеркивая тем самым известную констатацию метафизической и онтологической несоединенности двух в этом мире. Той трагической несоединенности, представленной в известной фрейдовской модели человека как «несчастливого существа», живущего на грани разрыва между эмпирикой и гедонизмом; или в предложенной Э. Фроммом модели человека с изначально заложенным в его природе неустрашимым разладом, приводящим к «экзистенциальным дихотомиям жизни и смерти»; или в предложенной Жан-Полем Сартром модели «бытия-для-другого», изначально содержащей конфликт, поскольку это «бытие-для-другого» предполагает двойное внутреннее неприятие. Или в том неоспоримом бердяевском факте, что «есть закон духовной непроницаемости, перед которым оказывается бессильным самое глубокое человеческое чувство... есть черта, отделяющая нас от мира, которую не перейдет никто... Мы всегда «одинокие» духовно, мы никогда не сливаемся с другими до полного, конечного единства души и тела, такое единство недостижимо в плоскости естественного бытия»¹².

Подобный трагизм несоединенности двух ярко представлен и в романе российского автора Алексея Семенова *Голые циники*, в котором отражена все та же сомнительность претензии на любовь между двумя молодыми людьми, демонстрирующими духовную и моральную неразвитость, ограниченность. Находясь в плену примитивного физиологизма и легкой наркотической одурманенности, искусственно накручивая себя и придумывая несуществующие причины для взаимных обид, они почти закономерно приходят к абсурдному финалу никому не нужных смертей и суицида. Автор *Голых циников*, в качестве рекламного хода на обложке книги, стремится преподнести историю взаимоотношений Ричарда и Варвары как полную трагизма любовную драму с жуткой ревностью и бушующими страстями, каковых еще не знала мировая литература: «Что такое любовь? Спросить у Омара Хайяма? Что он знает о физиологии отношений?.. Что такое страсть? Спросить у Захер Мазоха? Да не знает он настоящей боли. Боль приходит с воспоминаниями. Поэтому спросите у героев книги — Ричарда и Варвары. Они скажут правду. А вы... заплачете»¹³. Какая самонадеянность! В тексте романа, конечно, существует несколько планов, в нем присутствует определенная система нравственных координат, но отношения двух лишены психологической усложненности и каузальности, нет динамики чувств, есть некая констатация упрощенного взаимодействия на физиологическом уровне, из-

¹² Русский эрос, или философия любви в России..., с. 327.

¹³ А. Семенов. *Голые циники*. Москва: Астрель — АСТ, 2007.

рядно сдобренного сексуальными инвективами. И даже убийство соперника из чувства ревности не доказывает «кипучести» страстей.

Вспомним Федора Михайловича Достоевского, в романах которого, без единого намека на использование ненормативной лексики, кипят настоящие страсти между демоническими, inferнальными женщинами и дионисийными мужчинами. В его художественной системе представлена модель преступления не только нравственного, но и религиозного, онтологического порядка (роман *Идиот*), где одержимый и измученный страстью Рогожин убивает Настасью Филипповну. Эти образы психологически усложнены, в них есть внутренняя глубина, есть динамизм во взаимоотношениях и определенная мотивация поступков, приводящих к трагедии. И Артур Шопенгауэр, и Зигмунд Фрейд указывали на ту необъяснимую драматическую ситуацию, когда любовь ослепляет настолько, что в этом любовном ослеплении человек способен совершить какое угодно преступление, абсолютно не раскаиваясь в нем, что отражено в художественном опыте Федора Михайловича Достоевского, лишней раз подтверждая известную ницшеанскую констатацию «по ту сторону добра и зла».

Вечная борьба эроса и танатоса губительна для человека, тем более для поколения односторонних индивидов, определяемых современными психологами как генитальный тип. Это лица интеллектуально сниженные, для сознания которых характерно «неразличение разницы между половым влечением и эрекцией, понимаемой достаточным основанием к действию»¹⁴. Лексика героев романа Алексея Семенова перенасыщена сексуальными инвективами, нецензурщиной, грубоватым сленгом¹⁵, свидетельствующими о деградирующем состоянии молодого поколения, художественно воплощенном в «генитальной» литературе.

Как считает известный специалист в области изучения психофизиологических и социально-психологических аспектов функционирования ненормативной лексики Леонид Александрович Китаев-Смык,

в исторические, «переходные» периоды у части общества возникает массовая дебилизация. При этом наименее защищенные социальные слои (молодежь и люди с недостаточным образованием) вынуждены использовать эротизацию своей вербальной активности как культурную (антикультурную) защиту. Их речь изобилует словесными протезами — сексуально-скабрёзными выражениями (как неосознанный протест против социального давления). И, наверняка, неслучайно сексуальные образы, послылы, считавшиеся еще недавно непристойными (нецензурными) сейчас проникают на экраны телевизоров, на сцены театров, на страницы книг и газет одновременно с нарастающей модой на авангардистское искусство¹⁶.

Безусловно, в реализации эпатажного поведения, деструктивной сексуальности, гипертрофированной ненормативности лексикона выражается свое-

¹⁴ *Психология. Словарь*. Ред. А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. Москва: Политиздат, 1990, с. 356.

¹⁵ А. Семенов. *Голые циники...*, с. 12–14.

¹⁶ Л.А. Китаев-Смык. *Социально-психологические аспекты матерной речи*. «Вопросы психологии» 2007, № 6, с.120–128.

образный экзистенциальный, социальный и нравственный протест против существующей несправедливости окружающей действительности. Но этот протест носит разрушительный характер в первую очередь для самого носителя протестных интенций, зачастую превращая его в заложника и раба одновременно собственных деструктивных поведенческих моделей, нарушая целостность человеческого бытия. И Эрих Зелигманн Фромм бесконечно прав, указывая на тот факт, что

клинические данные со всей ясностью показывают, что мужчины и женщины, посвятившие свою жизнь неограниченному удовлетворению сексуальных желаний, не достигают счастья, а часто и страдают от тяжелых невротических конфликтов и симптомов. Полное удовлетворение всех инстинктивных потребностей не только не составляет фундамент счастья, но даже не гарантирует душевного здоровья¹⁷.

Более того, следует учитывать тот факт, что настойчивое постулирование подобных идей свидетельствует об изначально нездоровой психике, психическом и психологическом надломе, о чем неоднократно указывалось в соответствующей научной литературе. Как известно, например, Маркиз де Сад, реализовав в своих художественных произведениях сексуальные извращения, непристойности, фантазии и разврат, страдал серьезным психическим расстройством, которое, конечно, не помешало ему представить морально-философские постижения в осмыслении онтологической проблемы зла и мрака в человеческой природе, о чем красноречиво свидетельствует следующее его утверждение: «В человеке скрыто невероятно много грязного, темного, преступного. Человек способен на все. Обуздать его не могут ни штыки, ни тюремные решетки, ни осуждения близких»¹⁸. Николай Александрович Бердяев, посвятивший немало страниц рассмотрению проблем пола, любви и эротизма, утверждал, что

разврат есть разъединение, и он всегда превращает объект полового влечения в средство, а не в цель. Вся физиология и психология разврата построена на этом превращении средства в цель, на подмене влечения к своему объекту влечением к самому сексуальному акту или к самому искусству любви. Любовь к любви, вместо любви к лицу — в этом психология разврата¹⁹.

Наиболее полно и разнообразно деструктивные тенденции индивидуально-го сознания и поведения представлены в творчестве российского автора Владимира Сорокина, известного эпатажной скандальностью текстов, граничащей с психопатологией. Полагая, что творческая свобода писателя не знает границ и находится в плоскости чисто технических, а не нравственных координат, воодушевленный эстетикой безобразного в творчестве Маркиза де Сада, Владимир Сорокин представил на суд читателя информационный поток безнравственной

¹⁷ Э. Фромм. *Искусство любить*. Перевод с английского. Ред. Д.А. Леонтьева. Санкт-Петербург: Азбука — классика, 2004, с. 165.

¹⁸ Цит. по Е. Храмов. *От переводчика*. [В:] Маркиз де Сад. *Новая Жюстина*. Москва: НИК, 1992.

¹⁹ Н.А. Бердяев. *Философия творчества, культуры и искусства*. В 2 томах. Москва: Искусство, 1994, с. 209.

словесной грязи, некрофильства, порнографии, каннибализма, садомазохизма, в буквальном смысле фекализма, что, в свою очередь, заставляет исследователей определить такое творчество «канализационной» литературой и дегенеративным искусством, свидетельствующим только о том, что «грубая чувственность восполняет вакуум эмоциональности, характерной для выхолащенной шизоидной позиции»²⁰.

Стремление отразить в художественном сознании проявления десакрализации ценностей и норм выражено и в творчестве белорусского писателя Владимира Некляева (роман *Лабух*). Здесь представлена несколько иная ситуация, поскольку декларируется не только неприкрытая физиология, сексуальные отношения, отклонения плоти и эстетизация низкого в человеке, но и экзистенциальное мироощущение, мотивы одиночества и разочарования, внутренней неудовлетворенности, потери духовности, поиски смысла жизни, любви, осмысление политических изменений и социального устройства. Рефлектирующее сознание такого представителя интеллигентских кругов имеет все же однонаправленность (сексуализация мышления), выражающуюся в необходимости постоянной смены сексуальных партнеров, прикрытую красивой фразой: «смысл жизни... только в женщине».

Когда смысл жизни мужчины действительно состоит в любви к женщине, озарен светом этой любви, поднимающей его над обыденностью, тогда нет места донжуанству, тогда есть внутреннее отчуждение от других, а сознание отражает иные категории, исключающие пошлый и циничный разврат. Николай Александрович Бердяев в этом отношении беспощаден:

В любви есть что-то аристократическое и творческое, глубоко индивидуальное, вне-родовое, неканоническое, ненормативное, она непосильна сознанию средне-родовому. Любовь лежит уже в каком-то ином плане бытия, не в том, в котором живет и устраивается род человеческий... Сексуальный разврат ближе и понятнее человеческому роду, чем любовь, в известном смысле приемлемее для него и даже безопаснее. С развратом можно устроиться в «мире», можно ограничить его и упорядочить. С любовью устроиться нельзя, и она не подлежит никакому упорядочиванию²¹.

Тенденции, нашедшие художественное воплощение в романе Владимира Некляева, очень напоминают общую атмосферу нашумевшего романа Генри Миллера *Тропик рака*, созданного в 1930-е годы и воплотившего мироощущение кризисного периода, ту экзистенциальную «потерянность» поколения, которая всегда наблюдается в эпоху экономических и социальных сломов. В нем также нашли отражение деструктивное сознание, крайний пессимизм и цинизм, сексуальная неприкрытость, эротизм, индивидуалистический нигилизм, но обусловленность этих проявлений связана с резкими социальными изменениями и внутренними индивидуальными качествами главного героя романа, позволя-

²⁰ М.М. Козлова, А.В. Хохлов. *Смещение традиционных гуманистических ценностей в творчестве Владимира Сорокина. Деидеологизированные аллегории или расчеловечивание? [В:] Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе.* В 2 частях. Часть 2. Гродно: Гродненский государственный университет, 2014, с. 79.

²¹ Н.А. Бердяев. *Философия творчества, культуры и искусства...*, с. 202.

ющими саркастично-критически воспринимать и переосмысливать устоявшиеся стереотипы мышления и поведенческих установок представителей европейского общества.

Этот роман долгое время был запрещен к публикации в разных странах мира, но не столько за безнравственность, сколько за многоплановость, вскрывающую социальную несправедливость и моральный дискомфорт, экзистенциальную неустроенность человека в мире. Поэтому в этот период он становится одним из самых читаемых романов, не взирая на то, что «главная его заповедь не нова – жить, открывшись миру, принимать добро и зло в его диалектическом единстве», как указано в аннотации к русскому изданию²². Очень точно по этому поводу заметила Анна Николаевна Кислицина:

Ужо не актуальны для заходняга свету, перасычанага свабодай, Мілер прыйшоў да нашага чытача ... у належны час, час абуджэння нашай асабовасці. Мы прагнулі праўдзівага слова — ні адзін публіцыст не мог параўнацца з ім у шчырасці і адкрытасці. Гэта была адкрытасць прыгожага і чыстага чалавека, якому не было што хаваць²³.

Это действительно заслуживающее внимания произведение, расширяющее границы индивидуального и общественного сознаний, в отличие от не совсем удачной попытки Владимира Некляева повторить миллеровские блуждания по смыслам бытия, кстати, и сам Генри Миллер в последующих произведениях, фактически, повторяется, так и не преодолев границу эстетических и нравственно-философских постижений *Тропика рака*.

Явления десакрализации ценностных установок и деструктивного сознания широко представлены в романе известного российского писателя Сергея Минаева *Duress. Повесть о ненастоящем человеке*, вызвавшим в свое время широкий резонанс и ставшим бестселлером, что, в общем-то, совсем не удивительно, поскольку это произведение также отражает стремление автора продолжить этические и эстетические традиции Генри Миллера, в тексте даже представлена цитата из романа *Тропик рака* в качестве эпиграфа к одной из глав²⁴. Минаев также саркастично-критически (как и Миллер) переосмысливает социально-нравственные изменения и поведенческие модели современных представителей российского социума, вскрывает цинизм, пошлость, абсурдность существования, при этом сохраняя самоиронию и самокритичность главного героя произведения:

И вот я пришел в Интернет. В этот удивительный, волшебный мир. Мир, состоящий из порнографии, матерщины, неpolitкорректных граждан и отсутствия всякой цензуры. Мир, созданный для безделья, праздношатания и удовлетворения извращенных фантазий. Именно за этим люди и идут в сеть... Вы знаете, какое первое слово набирает в поисковой системе человек, попавший в Сеть впервые?.. Самое первое слово, начало начал,

²² Г. Миллер. *Тропик рака*. Перевод с английского. Предисловие И.П. Тарасевича. Москва: Культура, 1992.

²³ Г.М. Кісліцына. *Blonde attack*. Мінск: Логвінаў, 2003, с. 98.

²⁴ С. Минаев. *Duress. Повесть о ненастоящем человеке*. Москва: Астрель — АСТ, 2011, с. 129.

отправная точка для новичка — слово FUCK. И уж понятно, что первая же ссылка на это слово...будет ссылка на порносайт...²⁵

В центре повествования этого произведения находится порожденный современностью тип успешного менеджера крупной компании, жизнь которого заключена в границы плоской двуплановости: бизнес и пустое времяпрепровождение (гламурность, гедонизм, наркотики, алкоголь и секс), приукрашенные бесконечными рассуждениями о существенных проблемах человеческого бытия. Ироничность, цинизм и навязчивая демонстрация пронизательного интеллектуализма, на самом деле лишённого каких-либо целеполаганий и интенций — таково жизненное кредо подобного представителя современного частного бизнеса. Бездуховное существование индивида в бездуховном «великом культурном одичании» (Владимир Дашкевич). Надо отдать должное стилистическому мастерству писателя, но Сергей Минаев, стремясь соблюсти принцип реалистической достоверности, а может и подчиняясь модному веянию, не избегает употребления ненормативной лексики, что, безусловно, снижает достоинство романа.

Так, например, великому классику Льву Толстому не нужно было использовать арсенал ненормативной лексики для того, чтобы создать внутренний и внешний мир падшей женщины Катюши Масловой в романе *Воскресение*, или в художественном воплощении антиномий патологического сексуального сознания и поведения супружеской пары, приведшей к трагическому финалу, в повести *Крейцерова соната*. И Александру Куприну хватило запаса художественных средств изображения для воссоздания царящей атмосферы разврата публичного дома и его разнообразных обитателей в повести *Яма*, без использования сексуальных инвектив и вульгаризмов, и этот ряд можно продолжать до бесконечности.

В подобных художественных текстах моделируется тип усредненного человека, нивелированного и интегрированного в общество с царящей атмосферой потребительства в самом широком смысле слова. За кажущейся эпатажностью, непохожестью, нестандартностью сексуального поведения скрывается тип обычного среднего человека с декларацией узкого принципа «быть как все», с поверхностным отношением к окружающему миру, с однообразием жизненных установок, поступков, лексики и стиля, усиливая ощущения отчужденности и «потерянности». Эрих Фромм пронизательно констатирует наличие подобных тенденций, наблюдаемых на Западе в середине пятидесятых годов XX века: «Человеческие взаимоотношения сводятся в основном к взаимоотношениям отчужденных друг от друга автоматов, причем безопасность каждого из них основана на его близости к стаду и сходстве мыслей, чувств и поступков»²⁶. Реализуя на практике такие жизненные установки, человек теряет собственную индивидуальность, происходит растворение человека в массе, в сообществе людей, в которое он попадает, личностные качества ослабевают под давлением коллектива, о чем говорил Николай Александрович Бердяев, отстаивая прин-

²⁵ Там же, с. 143.

²⁶ Э. Фромм. *Искусство любить...*, с. 158.

ципы персонализма, происходит потеря собственной идентичности, что и находит отражение в указанных художественных произведениях.

Отрадно отметить, что иная ситуация царит в художественном сознании, отраженном в произведениях белорусского русскоязычного писателя Анатолия Андреева (романы *Для кого восходит солнце*, *Маргинал*, *Мы все горим синим пламенем* и другие)²⁷, главным героем которых является интеллигенция, способная противостоять антигуманности мира. Проявленный интерес к самосознанию интеллигенции (писатель, ученый, преподаватель вуза) очень важен для формирования общественного сознания, поскольку эта та часть социума, которая теоретически и практически осуществляет важнейшую функцию защиты человечества от духовной деградации²⁸. В текстах фигурирует тип «умного человека»²⁹, в сознании которого прочно укореняется мысль о доминировании разума в существовании человека. Так, Вадим Петрович Иванов утверждал, что

разумность является интересубъективным измерением, в котором опыт множества субъектов превращается в общий для всех жизненный результат. Этот результат, поскольку он может быть признан общей целью, выступает также нормой оценки, мерилom деятельности каждого индивида, разумеется, тех ее оснований, которые заключены в опыте³⁰.

Такой тип личности персонцентричен, это элитарная личность, лишенная деструктивных проявлений, философски переосмысливающая окружающий мир. Как верно отмечает Ирина Скоропанова, «создавая философствующих персонажей, автор постулирует адогматизированное усложнившееся мышление»³¹, которое абсолютно не чуждо нравственности. Альберт Швейцер актуализировал подобную проблематику в 1920-х годах в своей концептуальной работе *Культура и этика*, прекрасно осознавая существующие реалии и перспективы развития европейского мира, утверждая:

Подлинное чувство реальности заключается в осознании той непреложной истины, что мы лишь через основанные на разуме этические идеалы можем прийти к нормальным взаимоотношениям с действительностью. Только благодаря им человек и общество обретут такую власть над происходящими событиями, какую вообще могут обладать. Без них нам — что бы мы ни делали — никогда не вырваться из-под всемогущей власти событий³².

²⁷ А. Андреев. *Мы все горим синим пламенем*. Минск: Макбел, 2006.

²⁸ О. Таланцева. *Философия элитаризма в прозе Анатолия Андреева*. Минск: Издательский центр БГУ, 2012, с. 25.

²⁹ И. Скоропанова. *Тип «умного человека» в произведениях А. Андреева*. [В:] *Русскоязычная литература Беларуси конца XX — начала XXI века*. Минск: Республиканский институт высшей школы, 2010.

³⁰ В.П. Иванов. *Человеческая деятельность — познание — искусство*. Киев: Наукова думка, 1977, с. 166.

³¹ И. Скоропанова. *Тип «умного человека» в произведениях А. Андреева...*, с. 47.

³² А. Швейцер. *Культура и этика*. Пер. с нем. Н.А. Захарченко и Г.В. Колшанского. Предисловие В.А. Карпушина. Москва: Прогресс, 1972, с. 67.

Анатолий Андреев апеллирует не только к разуму, но и к чувству, любовь является для писателя необходимой, насущной потребностью, важнейшей составляющей жизни человека. В его прозе эротизм не соседствует с пошлостью и вульгарностью, стилистически возвышен и лишен деструктивных «изысков», что вовсе не мешает автору художественно осмысливать антиномичность любви и сложность взаимоотношений двух в системе ее координат.

Проявлена и иная тенденция в художественном сознании, связанная с постулированием идеи доминирования чувственно-эмоциональной сферы (в отличие от рациональной) в стремлении противостоять тотальной дегуманизации окружающей действительности. Актуализируется морально-нравственная составляющая индивидуального и общественного сознаний, мировоззренческих установок человека, его поведенческих моделей, причинно-следственных связей, гармонизация эмоциональной сферы как основы личной самодостаточности в борьбе с бездуховностью и бескультурностью, наиболее проявленные в прозаических произведениях Тамары Лаврик и Анатолия Козлова, в поэзии Сергея Гроховского, Любви Тарасюк, Раисы Боровиковой, Ирины Богданович, Валерия Максимовича, где экспрессивно-эмоциональный поток вторгается в душевную жизнь воспринимающего, способствуя трансформации его сознания, расширению границ мироощущения, приводя к состоянию высшей духовности и нравственному очищению. Такая модель эмоционального состояния приобретает суггестивно-катарсические функции, способствующие, как известно, возвышению человека над собственной обыденностью, не говоря уже о моральном воздействии, а позиция авторов — это эстетический и поэтический мятеж против духовной и душевной девальвации.

Альберт Швейцер также предпринимал попытку моральной реабилитации человека:

Одобрять мы должны только то, что согласуется с гуманностью. Мы прежде всего обязаны свято защищать интересы жизни и счастья человека. Мы должны вновь поднять на щит священные права человека... Мы требуем вновь восстановить справедливость (...) ту, которая преисполнена идеей ценности каждого человеческого бытия³³.

Более того, полагая, что нравственное несет в себе высшую целесообразность, он утверждает:

Только тогда, когда большинство людей в своих мыслях и поступках будут постоянно побуждать гуманность полемизировать с действительностью, гуманность перестанут считать сентиментальной идеей, и она станет тем, чем она должна быть – основой убеждения человека и общества³⁴.

Кризисное мироощущение, кризисное сознание не может постоянно находиться в узких границах пессимизма и девальвации ценностей, оно ищет выхода за пределы этих границ, оно требует жизнеутверждающих интенций и посылов, что нашло свое проявление в недавнем обращении западных кинематографистов к тексту романа Фрэнсиса Скотта Фицджеральда *Великий Гетсби*, экран-

³³ А. Швейцер. *Культура и этика...*, с. 326.

³⁴ Там же, с. 327.

зация которого имела небывалый успех у публики и, как результат, огромные тиражи переиздания книги. Яркий и талантливый представитель американской литературы первой половины XX столетия, отразивший эстетические принципы «потерянного» поколения, Фрэнсис Скотт Фицджеральд создал в этом романе специфическую атмосферу кризисного существования человека в мире, где вся жизнь подчинена накоплению материальных благ для самоутверждения, но главным для авторской позиции остается способность человека любить. Гэтсби велик силой и высотой своего чувства, верностью и преданностью своей мечте, аристократизмом души, что абсолютно девальвировано в мире. Невзирая на трагический финал романа, он все же несет жизнеутверждающие интенции, восполняя потребность современного человека в чистоте и красоте чувств и ощущений.

Антигуманность и безнравственность, девиантное поведение, отраженные в литературе, не должны занимать господствующее положение, даже принимая во внимание тот общеизвестный факт, что литература ориентирована на разные слои социума, но в «искусстве социально ценно не только то, чем овладела масса, но и то, до чего она сегодня не доросла»³⁵. Поэтому весьма актуальной видится необходимость осознания писателями личной ответственности за каждое написанное слово, понимания смысла совершаемых действий и последствий для общества. Поэтому Валерий Александрович Максимович утверждает:

При всей неоднозначности и многомерности происходящих в обществе процессов не стоит забывать, что литературовед, наряду с литератором, художником-творцом существенно влияет на общественное сознание, на идейно-эстетический уровень читателя и призван стоять на страже общественного служения правде, совести, духовности; его профессиональный долг — подходить к сомнительным псевдохудожественным изыскам с самой высокой мерой требовательности и нравственности, без чего искусство, литература не могут в полной мере выполнить свое высокое назначение³⁶.

Генри Миллер также прекрасно осознавал личную нравственную ответственность писателя за каждое созданное слово, понимая тот энергетический посыл, который в нем заключен:

Если является на свет книга, подобная взрыву, книга, способная жечь и ранить вам душу, знайте, что она написана... человеком, у которого есть только один способ защиты от этого мира — слово; и это слово всегда сильнее всеподавляющей лжи мира, сильнее, чем все орудия пыток, изобретенные трусами для того, чтобы подавить чудо человеческой личности. Если бы нашелся кто-нибудь, способный передать все, что у него на сердце, высказать все, что он пережил, выложить всю правду, мир разлетелся бы на

³⁵ Ю.Б. Боров. *Проблемы художественного восприятия*. [В:] *Общество, литература, чтение. Восприятие литературы в теоретическом аспекте*. Пер. с нем. Ред. О.В. Егоров. Москва: Прогресс, 1978, с. 13.

³⁶ В.А. Максимович. *Еще раз о «смене постмодернистской парадигмы»*. [В:] *Белорусско-российский диалог. Культура и литература Беларуси XX–XXI вв.* Москва: Институт славяноведения РАН, 2006, с. 28.

куски, рассыпался бы в прах — и ни Бог, ни случай, ни воля не смогли бы собрать все эти кусочки, атомы, кванты, из которых он состоит³⁷.

Понимая и принимая горечь и боль миллеровских инвектив, все же не стоит оставлять надежду на способность художественного текста, представляющего собой субъективную творческую реализацию эстетического опыта, устранять существующую дисгармонию в мире ради сохранения нравственной составляющей его целостности.

Таким образом, литературная ситуация указанного периода, наряду с декларированием позитивных ценностей и норм, отражает негативные доминанты нравственного сознания: асоциальное поведение индивидов, примитивное мышление, деструктивную сексуальность, духовное и культурное обнищание, десакрализацию ценностей, что, в свою очередь, актуализирует проблему восприятия литературы субъектом, необходимость корректировки этого восприятия для наиболее адекватного осмысления художественной реальности и формирования сознания, принимая во внимание аксиологическую и суггестивную функции художественной литературы. Следует учитывать тот факт, что реципиенты с неустойчивой психикой, чрезмерной импульсивностью и склонностью к аффектации, могут попасть в информационную (текстологическую) ловушку, что приведет к смещению в их индивидуальном сознании истинных акцентов и социально-нравственных установок, мировоззренческому сдвигу, поскольку художественные тексты в большинстве случаев обладают многоуровневыми смыслами (скрытыми или явными); поэтому необходимо уходить от их примитивной интерпретации, используя синтезированный подход в осмыслении художественной литературы, совершенствуя познавательные способности реципиента и его индивидуальное сознание.

Такой подход необходим, поскольку

во взаимодействии сознания и восприятия литература... может стать экспериментальным полем для социальной фантазии, полем, где могут испытываться различные формы адекватного познания человеком самого себя, общества и мира, чтобы личность и мир могли быть приняты или отвергнуты. Литературное изображение выступает как своеобразный пролог или эпилог к действительности, как особый метод раскрытия истории или современной действительности, как метод мыслительного проигрывания наличных возможностей поведения и подготовки будущих поступков, мыслей и чувств³⁸.

Литература

Андреев А. *Мы все горим синем пламенем*. Минск: Макбел, 2006.

Бегбедер Ф. *Идеаль*. Москва: Иностранная литература, 2008.

Бердяев Н.А. *Философия творчества, культуры и искусства*. В 2 томах. Москва: Искусство, 1994.

³⁷ Г. Миллер. *Тропик рака...*, с. 187.

³⁸ Д. Клихе, Д. Шленштедт, Р. Ленцер. *Общественная функция и эффективность литературы*. [В:] *О общество, литература, чтение. Восприятие литературы в теоретическом аспекте...*, с. 287.

- Борев Ю.Б. *Проблемы художественного восприятия*. [В:] *Общество, литература, чтение: восприятие литературы в теоретическом аспекте*. Пер. с нем. Под ред. О.В. Егорова. Москва: Прогресс, 1978, с. 3–14.
- Глобус А. *Тэксты*. Москва: АСТ, 2000.
- Ди Фалько Жан-Мишель, Бегбедер Фредерик. *Я верую — я тоже нет. Диалог между епископом и нечестивцем при посредничестве Рене Гиттона*. Фрагменты книги. «Иностранная литература» 2006, № 9, с.201–243.
- Драздова З.У. *Праблема чалавечага характару ў эксперыментальна-пошукавых формах сучаснай французскай і беларускай прозы*. [В:] *Беларуская літаратурная класіка і сучаснасць. Праблемы характаралогіі*. Навук. рэд. В.П. Жураўлёў. Мінск: Беларуская навука, 2013, с. 140–163.
- Иванов В.П. *Человеческая деятельность — познание — искусство*. Киев: Наукова думка, 1977.
- Кісліцына Г.М. *Blonde attack*. Мінск: Логвінаў, 2003.
- Китаев-Смык Л.А. *Социально-психологические аспекты матерной речи*. «Вопросы психологии» 2007, № 6, с.120–128.
- Клихе Д., Шленштедт Д., Ленцер Р. *Общественная функция и эффективность литературы*. [В:] *Общество, литература, чтение. Восприятие литературы в теоретическом аспекте*. Пер. с нем. Под ред. О.В. Егорова. Москва: Прогресс, 1978.
- Козлова М.М., Хохлов А.В. *Смещение традиционных гуманистических ценностей в творчестве Владимира Сорокина. Деидеологизированные аллегории или расчеловечивание?* [В:] *Антропологические сдвиги переломных эпох и их отражение в литературе*. Ч. 2. Гродно: Гродненский государственный университет, 2014, с. 73–80.
- Максимович В.А. *Еще раз о «смене постмодернистской парадигмы»*. [В:] *Белорусско-российский диалог. Культура и литература Беларуси XX–XXI вв*. Москва: Институт славяноведения РАН, 2006.
- Миллер Г. *Тропик рака*. Пер. с англ. Предисловие И.П. Тарасевича. Москва: Культура, 1992.
- Минаев С. *Духless. Повесть о ненастоящем человеке*. Москва: Астрель — АСТ, 2011.
- Психология. Словарь*. Ред. А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. Москва: Политиздат, 1990.
- Русский эрос, или философия любви в России*. Москва: Прогресс, 1991.
- Семенов А. *Голые циники*. Москва: Астрель — АСТ, 2007.
- Скоропанова И. *Тип «умного человека» в произведениях А. Андреева*. [В:] *Русскоязычная литература Беларуси конца XX — начала XXI века*. Мінск: Республіканскі інстытут вышэйшай школы, 2010, с. 40–47.
- Таланцева О. *Философия элитаризма в прозе Анатолия Андреева*. Минск: Издательский центр БГУ, 2012.
- Храмов Е. *От переводчика*. [В:] *Маркиз де Сад. Новая Жюстина*. Москва: НИК, 1992, с. 3–5.
- Фромм Э. *Искусство любить*. Пер. с англ. Под ред. Д.А. Леонтьева. Санкт-Петербург: Азбука — классика, 2004.
- Швейцер А. *Культура и этика*. Пер. с нем. Н.А. Захарченко и Г.В. Колшанского. Предисл. В.А. Карпушина. Москва: Прогресс, 1972.